

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Ловушка
для дурака

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Художественный редактор *Е. Анисина*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Ловушка для дурака / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-171569-4

Счастливица Маргарита удачлива во всем: наследство, денежная награда, выигранная лотерея, да еще и страстно влюбленный молодой муж... Вот только он пропал. Безутешная женщина обращается к сыщице Тане Ивановой с просьбой найти любимого. Таня принимается за поиски мужчины, а вслед за этим узнает о нескольких других исчезнувших людях. Теперь ей предстоит узнать, как связаны эти происшествия и есть ли здесь преступный замысел, а заодно избежать опасности, которая может угрожать и ей самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171569-4

© Серова М.С., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

Стояло ясное утро, обещавшее горожанам прекрасный день. Блуждали по своим делам утренние коты, над асфальтом потихоньку собиралось марево, а престарелая почтальонша, спеша управиться с разносом до жары, добралась-таки до последнего адреса.

Поднявшись на четвертый этаж, она позвонила в дверь.

Не открывали довольно долго, так что женщина успела со вздохом вспомнить добрым словом старые деревянные двери, представлявшие собой полноценные коммуникационные амбразуры. Тогда было слышно все: идут — не идут, дома — не дома. И все-таки наконец лязгнула шторка глазка и спросили:

— Кто там?

— Телеграмма для Коржовой, — отозвалась почтальон.

Дверь открыли, и на пороге предстал обаятельный, пусть и бритый налысо, светлоглазый молодой человек простодушного вида. Сконфуженно застегивая молнию на спортивном костюме, он протянул руку и сказал, заметно картавя:

— Большое спасибо. Прошу прощения, что так долго, где проставить визу?

— Простите, расписаться должна сама гражданка Коржова, — напомнила почтальон.

Молодой человек хлопнул себя по лбу и немедленно покаялся:

— Тысяча извинений, как я сплеховал! Просто давно дел не имел с телеграфом.

Она добродушно кивнула, обмахиваясь газеткой (все-таки уже парило):

— Это понятно, — и подумала про себя: «Где уж тебе, малютке. Последний раз, судя по всему, когда бабушке на Восьмое марта открытку отправлял, цепляясь за мамку».

— Буквально минуточку, — попросил он и скрылся.

Были слышны стук в дверь, плеск воды, невнятное бубнение, его приятный картавящий говор: «Аллочка, крошка, телеграмма для тебя. Нет-нет, не выходи из ванны, продует. Вот тебе перо. Только ручки вытри. Осторожно, не поскользнь».

— Вот, пожалуйста, — вернувшись, мужчина представил подписанный бланк, — а вот это вам, за труды.

И протянул тысячную купюру.

— Нет-нет, отказа не примем, обидите.

Почтальон удивилась щедрым чаевым, но не противилась, попрощалась и ушла. Человек пробежал глазами текст телеграммы, пожал плечами, пробормотал: «К-курицы», — и порвал депешу на мелкие кусочки.

И вернулся в ванну, к прерванному занятию. Надо все вымыть, а то, чего доброго, придется самому ремонт делать, до продажи.

Да, и по окончании мероприятия надо бы скататься куда-нибудь — проветриться и разжиться новым паспортом.

ГЛАВА 1

Ах, как приятно пахнет в центре одного из крупных культурных центров России! Жарой, бензином и глупостью. Тут, в одном из загончиков пятикомнатного коммунального дворянского гнезда, рассерженно щебечут две представительницы семейства коренных горожанок — Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна.

Эти манерные и утонченные дамы были не из радушных хозяек. Они из тех, которые немедленно выявляют «понаехавших» по манере произносить слова или называть вещи, и приступают к активному презиранию. А равно и наотрез отказываются переезжать из «центра» к «чертям на куличики» — даже если это касается районов, вот уже полсотни лет как обжитых получше всех «центров» вместе взятых.

Иначе говоря, две старые девы-сестрицы, обитающие в одной из пяти комнат, и держащие оборону против «понаехавшего» соседа, нагло предложившего расселение, то есть купить им по отдельной квартире в двух станциях метро отсюда.

Старые девы кипели и пускали пар. Это было их перманентное состояние, практикуемое по любому поводу, будь то трамвай, звенящий под окном, слишком громко плачущий младенец — и, само собой, наглый сосед.

Лично против него они ничего не имели. Он рук не выкручивал, не угрожал и не намекал, ни на чем не настаивал, просто появлялся раз в месяц и повторял свое предложение. Получая гневные отповедь с отказом, вздыхал, пожимал плечами, вежливо прощался и уезжал до следующего раза.

Негодование усиливалось тем, что вот уже трое хозяев трех комнат на ура приняли предложения щедрого соседа, и теперь, по истечении пяти лет, сожалели лишь о том, что не приняли его ранее. В коммуналке держали оборону только Агния и Алевтина.

Еще большее негодование порождал тот факт, что одной из ренегадин стала не кто иная, как их родная сестрица, Алла Сергеевна. Она, в отличие от них, имела отдельную комнату. Почему у нее была целая и неделимая площадь, а у них — одна на двоих, это отдельная история (и повод для негодования). Вспоминая подробности, сестры скрежетали протезами: опять-таки, в отличие от них, сестрица обладала легким приятным нравом, за счет чего не только связала себя узами брака с соседом по коммуналке, тихим и приличным милиционером, но и пережила его.

Ко всем своим чудачествам и преступлениям присовокупила то, что запросто рассталась

со своей комнаткой и въехала в замечательную однушку в тихом славном районе всего в полчаса езды от них.

Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна вполне могли принять одно из многочисленных приглашений сестры приехать на чашку чая, но не принимали. Все телефонные номера отщепенки безжалостно блокировались, а следы звонков — уничтожались.

Добродушная сестрица не унималась. Пытаясь достучаться до обиженных дур, она перепробовала все способы, в том числе отправила как-то приглашение на суаре по почте — одно на двоих! новое оскорбление! — и старые девы просто вскипели. Негодование поднималось неудержимо, как пена на сбегавшем молоке, и они не поленились в свою очередь выйти на связь, прислав нахалке изысканно-оскорбительную телеграмму. В этой депеше они изложили свое видение ситуации, поведения и, вообще, возможности общаться с отщепенцами и предателями своих корней.

После этого попытки воссоединения с родственницами прервались. Спустя какое-то время — прошло около полугода или восьми месяцев, — Агния и Алевтина Сергеевны вдруг занервничали. При всех своих чудачествах они в глубине души сохранили остатки совести и родственных чувств. Вскрылся этот факт довольно курьезным образом: обе сестрицы одновременно получили уведомления о невручении телеграмм, втайне друг от друга отправленных ими на адрес сестры.

Смушение поодиночке было мимолетным, поскольку совместное негодование было куда более комфортным и привычным состоянием. И повод как раз был: отправленные телеграммы вернулись с отметками: «Не вручена в связи с убытием адресата».

— Варвары, — процедила Агния, вернувшись с почты. Несмотря на закаченный скандал, подлые почтовики и не подумали вернуть деньги: мол, сами указали адрес и получателя, а если адрес не тот, или, как тут, адресат выбыл и телеграмму не получил — то сами и виноваты. А уж ссылка на собственную виновность способна вывести из себя даже улитку, не то что нервных старых дев.

— Сволочи. Сталина на них нет, — подхватила Алевтина, подергивая на куриной шее янтарные бусы, — но как это похоже на Алку — взять и куда-то свалить, не оставив адреса!

Однако Агния воспротивилась:

— Как раз не похоже. Алка никогда никуда не уезжала, не оставив адреса, даже в молодости. Вспомни.

Алевтина, подумав, взяла свои слова обратно. В самом деле, даже по молодости сестранепоседа всегда отчитывалась, куда едет, на сколько и когда вернется, и, отправляясь за хлебом или поболтать к подружке в соседний дом, всегда прощалась, «на всякий случай», «мало ли что». С возрастом она стала еще более внимательной к этим вещам, потому что час, когда произойдет «мало ли что», неумолимо приближался.

— Послушай-ка, а знаешь ли ты что-нибудь о ее квазимуже? — спросила она как бы мимоходом.

— Каком муже? — неталантливо солгала Агния и зарделась.

Речь шла о некоем человеке, с которым сестра Алла на старости лет проживала в так называемом гражданском браке. В загс она более идти не собиралась, утверждая, что ей, несмотря на вдовье состояние, девичья свобода дороже.

По ходу выяснялось, что информационное эмбарго соблюдалось несерьезно, без должной строгости. Алевтина, хотя и сурово хмурила брови, имела за собой тот же грешок. Совместными усилиями, намеками и недомолвками они восстановили примерную картину отношений сестры: ее избранник — вроде бы из «понаехавших», вроде бы родом откуда-то из Поволжья, как бы занимается научной работой, как бы бессребреник, романтик в начищенных туфлях и прочая, прочая.

Вариантов описаний много, бесспорно было лишь то, что Алла гораздо старше его.

— Нет, это уже полное безумие, — решительно заявила Агния, — почему ты мне ничего не сказала? Это надо прекратить.

Алевтина возмутилась:

— Я не сказала? Допустим, не сказала, а как я могла сказать, если ТЫ не сказала МНЕ?

— А мне откуда было знать? — по привычке солгала сестра, смутилась и замолчала.

— Ладно, довольно тыкать друг в друга перстами. Надо поехать и разобраться на месте.

— Сейчас?! — снова взвилась Агния.

— Что, ты занята? — холодно спросила Алевтина.

— Нет.

— Что и требовалось доказать. Засим прекращай пререкаться и надевай шляпку.

До дома Аллы, как было сказано, было недалеко, всего две остановки на метро, далее пять минут черепашьям шагом старух — и вот уже искомый дом, уютный одноподъездник красного кирпича, с бесстыдными просторными лоджиями (возмутительно было и то, что они вообще имеются), расположенный в зеленом, чисто убранном дворе. Несмотря на то, что и до станции метро, и до крупного проспекта рукой подать, никакого шума слышно не было.

Неподалеку имелось как минимум два достойных продуктовых магазина — непозволительная роскошь, непривычная для обитателей центра. Они-то считали необходимым таскаться за «органическими», «натуральными» продуктами с тележками в ближайший (и дорогий) эко-супермаркет как минимум на двух видах транспорта.

В подъезде этого дома на окраине нахально не воняло ни кошками, ни бродягами (непременного атрибута любого дома благородного центра). А как было тут вызывающе чисто! И как смели все эти почтовые ящики иметь дверки, висеть на надлежащих местах и закрываться на замочки? Вдобавок и лифт ходил, и кнопки были целы, а стены — не расписаны. ■

Поднялись на четвертый этаж — и огорчились еще больше.

— Пошехонцы, — процедила Агния с плохо скрываемой завистью.

— Согласна, — с отвращением согласилась сестра, с аналогичным чувством рассматривая дверь квартиры родственницы, стальную, блестящую (да еще и с одним-единственным звонком! Ну и счетчиком, разумеется).

Раскалившись до последнего предела, они принялись давить на кнопку. Звонки работали, но никто не открывал. За проклятой сейфовой дверью ничегошеньки не прослушивалось. Повторив попытку несколько раз, сестры набросали на листке краткую записку резко предписывающего содержания («Позвони немедленно» и т. д.), положили послание за ручку двери и несолоно хлебавши собрались восвояси и даже вызвали для этих целей лифт.

Тот не замедлил приехать и вывалить еще неприятностей. Он привез в своих недрах троих противных субъектов: двух отвратительно энергичных женщин и одного непозволительно спокойного мужчину. Которые к тому же с порога лифта повели себя странно.

Во-первых, когда разъехались двери, они немедленно замолчали, хотя весь путь с первого этажа оглушительно болтали. Во-вторых, покинув лифт, синхронно и со свистом втянули носами воздух, с подозрением меряя сестер пронизывающими взглядами.

Одна из этих энергичных — тощая, с толстой папкой, — осведомилась нагло:

— Вы что, сюда? — и показала на дверь Алиной квартиры.

— А вам какое дело? — вскинулась Алевтина, но Агния, быстрее сориентировавшись, признала, что да, и вкрадчиво спросила:

— А почему, собственно говоря, вас это интересует?

— Потому, что если вы насчет сделки, то можете отправляться обратно, — заявила она.

— Сделки? Какой сделки? — с замиранием сердца спросила Агния. Соображала она достаточно быстро, поэтому перед глазами старой девы начала собираться темная мгла.

Тошя нахалка нагрубилась: «Никакой», и уверенно надавила на звонок. Ей тоже никто не ответил.

— Что, никого? — осведомилась другая женщина, небольшая, весьма округлая и налистая, как горшок с маслом. — А ну-ка дай-ка я.

И, отстранив тошю, зачем-то позвонила сама, как если бы умела давить на кнопки как-то по-особому. Разумеется, результат был таким же.

Тошя энергичная пробормотала:

— Странно. Только что звонила, утверждал, что дома.

— Кто утверждал? — спросила Агния.

— Что встречается? — возмутилась толстая.

— В самом деле, вам-то какое дело? — подержала тошя.

— Ну хотя бы такое, что в этой квартире проживала наша сестра, — звеня от негодования, но все-таки сдерживаясь, поведала Алевтина. ■